

статьи Краевский возвращается к значению правительственного разрешения: «Глубоко осозная цену его наряду со всеми пишущими – по крайней мере, пишущими в этом журнале – мы хотим, чтобы оно было создано... читающими»¹⁸. Достойно упоминания, что среди «пишущих» в «Отечественных записках» в этом году вновь отличился Писемский со своим злободневным циклом «Русские лгуны». Можно подумать, Краевский вспоминает его советы, врезав восторженному пафосу напоминая о здравом смысле и осторожности: «Мы... хорошо знаем, как много может зависеть от применения их на практике... Это может обнаружить только время»¹⁹.

Послание писателя Краевскому представляет убедительное возражение критикам-последователям Н. В. Шелгунова, которые полагали, что Писемский в своем мировоззрении не поднимался выше «сельского старосты»²⁰. Кроме того, изложенная в письме литературная программа объясняет противоречия мировоззрения Писемского, позволявшие считать его то убежденным консервативом (С. А. Венгеров, П. Г. Пустовойт²¹), то одним из передовых людей своего времени (А. П. Могиланский, А. А. Рошаль²²). Его взгляды органично сочетали в себе, казалось, несочетаемое: мечты о прекрасном будущем, передовые идеалы, свойственные его времени, и здравый смысл, позволявший осознать, что какие-то из них в настоящее время неосуществимы, а воплощение других зависит от многолетней кропотливой работы и может закончиться новыми неожиданными трудностями.

Примечания

¹ См.: *Зайцев В.* Взбаламученный романист // Русское слово. 1863. № 10. С. 23–44; *Антонович М.* Современные романы // Современник. 1864. № 4. Отд. 2. С. 201–238; *Шелгунов Н.* Люди сороковых и шестиде-

сятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 1–29; № 10. С. 1–38; № 11. С. 1–51; *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отеч. Записки. 1870. № 2. С. 209–228.

- ² Из письма писателя его французскому переводчику и исследователю творчества В. Дерели: *Писемский А.* Письма / под ред. и комм. М. К. Клемана и А. П. Могиланского. М., Л., 1936. С. 391. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
- ³ *Оганян Н. К.* вопросу оценки творчества А. Ф. Писемского русской литературной критикой // Науч. тр. Ереван. гос. ун-та. 1960. Т. 70, вып. 8. С. 110.
- ⁴ См.: *Рошаль А.* Писемский и русская революционная демократия. Л., 1973.
- ⁵ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. С. 58.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 26, 93, 288, 452, 491.
- ⁹ Цит по: *Лемке М.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 68.
- ¹² Там же. С. 81.
- ¹³ Там же. С. 63.
- ¹⁴ Там же. С. 82.
- ¹⁵ Без цензуры // Отеч. записки. 1864. № 9. Отд. «Современная хроника». С. 75.
- ¹⁶ См.: *Лемке М.* Указ. соч. С. 389.
- ¹⁷ Отеч. Записки. 1864. № 9. Отд. «Современная хроника». С. 75.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: *Шелгунов Н.* Указ. соч. С. 44.
- ²¹ См.: *Венгеров С. А.* Ф. Писемский // Венгеров С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Дружинин. Гончаров. Писемский. СПб., 1911; *Пустовойт П.* Писемский в истории русского романа. М., 1969.
- ²² См.: *Рошаль А.* Указ. соч.; *Могиланский А. А.* Ф. Писемский. Жизнь и творчество. Л., 1991.

УДК 821.161.109+929[Белинский+Глинский]

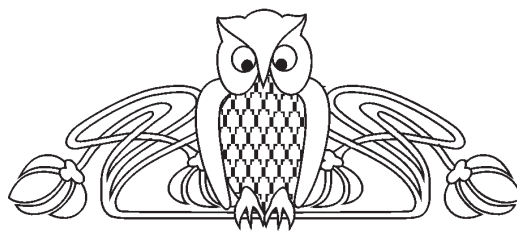
ЗАБЫТЫЙ БИОГРАФ В. Г. БЕЛИНСКОГО

М. А. Силашина

Саратовский государственный университет
E-mail: 90masha@mail.ru

В статье рассказывается об очерке Б. Б. Глинского «Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти». Этот материал оказался практически никак не осмысленным и, по сути, не учтенным даже библиографически в существующих исследованиях о Белинском и его эпохе, хотя заслуживает внимания со стороны ученых.

Ключевые слова: биографический очерк, критика, журнал, литератор, В. Г. Белинский, Б. Б. Глинский, мемуары, юбилейные чествования, летопись, хроника.

Forgotten Biographer of V. G. Belinsky

M. A. Silashina

The article presents a feature story by B. B. Glinisky «Vissarion Grigoryevich Belinsky: in honour of his memory». This story appears not to have been taken into account or registered in reference lists of the existing research papers on Belinsky, although it clearly deserves the researchers' attention.

Key words: biographical feature article, criticism, journal, man of letters, V. G. Belinsky, B. V. Glinsky, memoires, anniversary celebrations, annals, chronicle.

Борис Борисович Глинский (1860–1917) – достаточно широко известный литератор и публицист рубежа XIX–XX столетий, постоянный и деятельный сотрудник журнала «Исторический вестник», а с 1914 г. и вплоть до закрытия – редактор издания. Он вошел в историю журналистики не только как автор подробных очерков об истории России, многочисленных выступлений о современной ему общественно-политической и литературной жизни, но и как создатель фактографически насыщенных биографических материалов об известных и полузабытых предшественниках и современниках. Эти выступления в 1914 г. были объединены в книге «Среди литераторов и ученых...»¹. Сборник был принят неоднозначно, его порой критиковали за «юбилейно-поминальный» характер, потому что большая часть очерков была приурочена либо к юбилейным, либо к траурным датам, и они имели особый характер построения материала, отсутствовала прямая критическая оценка со стороны автора. К примеру, А. Б. Дерман так публично отзывался о книге: «Живет-живет писатель, трудится, пишет, старается, – все это проходит мимо г. Глинского, насколько его не задевая. Его как будто не интересует, что именно творит писатель. Но вот с Божьей помощью не интересующей г-на Глинского работе писателя имярек исполняется юбилейный возраст: готово! Г-н Глинский хлопочет, старается, расстилает длиннейшую “литературную” скатерть и, так сказать, сервирует адреса, подношения и прочее. А затем собирает эту сервировку в кучу и отправляет ее в типографию для отпечатания в своем “Историческом вестнике” <...> Если писатель не дотянет до юбилея или по той, либо другой причине не станет его праздновать, то все-таки ему не избежать глинского пленения: не дается он в руки живым, г. Глинский завладеет им мертвым. Только писатель испустит дух, как г. Глинский собирает и предает тиснению все, что кому-либо вздумается сказать или написать про покойника... Какого мнения покойник о деятельности г. Глинского – трудно судить, но что живые правильно ее оценивают, – не может быть сомнения: недаром один из юбилейных сотрудников г. Глинского (впоследствии умерший и г-ном Глинским честь-честью обряженный) написал на меню юбилейного обеда <...>:

Он весь в чернила окунулся,
Как мних в святительский елей,
Но... милый Глинский подвернулся
И вмиг состряпал юбилей»².

Такая оценка является не совсем справедливой, поскольку традиция, связанная с проведением торжественных вечеров-воспоминаний,

с публикацией мемуаров и созданием биографий писателей была характерна для самой эпохи конца XIX– начала XX в.: «У нас в России все более и более укореняется прекрасный обычай устраивать юбилейные чествования и литературные поминки живых и усопших деятелей науки и литературы. Эти чествования, приурочиваемые к различным срокам, дают повод напомнить обществу о выдающихся представителях научной и поэтической мысли, способствуют более ясной и сознательной оценке их деятельности и нередко пробуждают вновь усиленный интерес к личности и произведениям вспоминаемого лица. Напоминание о великих деятелях прошлого важно еще и в другом отношении: оно помогает человеку нашего времени, погруженному “в тишину нечистой мелкой помыслов, мелкой страстей”, освободиться, хоть на некоторое время, от гнета современности и возвыситься душой, созерцая духовно великие образы прошлого. В таких чествованиях перед нами воскресают отошедшие в вечность лучшие люди былого, мы вновь общимся с ними духовно, освежаемся от окружающей нас действительности, почерпываем силы и бодрость для дальнейшей честной жизни, часто успевшей ослабеть под влиянием гнетущей действительности»³, – подчеркивает в брошюре о В. Г. Белинском Г. В. Александровский, современник Б. В. Глинского.

Подобные материалы выходили в большом количестве сразу после значимой даты. В дальнейшем особо выделялись исследователями лишь некоторые из них, потому что часто здесь дублировались одни и те же сведения. Иногда подобные работы опирались на публикации современников, которые сами по себе порой не были достоверными, хотя не всегда можно понять критерии, по которым определяется «ценность». Отдельные любопытные статьи и очерки просто замалчивались и относились к разряду «дробных материалов»⁴.

Что касается В. Г. Белинского, то после его кончины русская интеллигенция XIX века устраивала в его честь два значимых памятных торжества: в 1898 г. к пятидесятилетию со дня смерти и в 1911 г. в честь столетия со дня рождения. В русской журналистике эти даты были ознаменованы появлением в печати большого количества биографических материалов, систематизировавших уже хорошо известные данные.

Практически все научные биографии и летописи основываются исключительно на архивных документах, а также на первых жизнеописаниях. Авторами первых биографий В. Г. Белинского были А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Н. Г. Чернышевский. Они учитывались абсолютно всеми исследователями. Только летопись жизни Белинского, составленная Н. Ф. Бельчиковым, П. Е. Будковым, Ю. Г. Оксманом, Н. К. Пиксановым, помимо выше отмеченных материалов, обращается и к периодической печати XIX в. Как один из

основных источников такого рода в этом издании указывается статья В. Е. Рудакова «Архивные разыскания о рождении Белинского», опубликованная в «Историческом вестнике»⁵. Она была замечена читателями и историками литературы, поскольку воссоздавала неизвестные страницы жизни В. Г. Белинского.

В «Историческом вестнике» в 1911 г. на другую публикацию В. Е. Рудакова откликнулся Б. Б. Глинский: «... небольшая книжка, составленная В. Е. Рудаковым, является удачным пособием для ознакомления с жизнью и литературной деятельностью нашего великого критика В. Г. Белинского. Правильное распределение материала по отдельным главам, следование лучшим печатным пособиям и заимствования из них, соразмерность в изложении фактов, краткое, но достаточно обоснованное объяснение миросозерцания критика и, наконец, живой и вполне литературный язык делают эту книжку доступной и среднему читателю, и учащемуся даже в низшей школе. <...> В то же время в ней заключаются и несомненные достоинства новизны. Благодаря разысканиям в целом ряде петербургских архивов, В. Е. Рудакову удалось впервые открыть подлинное метрическое свидетельство В. Г. Белинского и поведать о происхождении матери последнего, которое до настоящего времени оставалось неизвестным нашим исследователям. <...> В виду наступающего торжественного чествования столетия со времени рождения нашего великого критика вновь установленная точная дата рождения – 1 июня 1911 г. является как нельзя кстати...»⁶

Следует обратить внимание на то, что и сам Б. Б. Глинский был автором биографического очерка, посвященного пятидесятилетию со дня смерти В. Г. Белинского. Единственное указание на данную публикацию мы находим только в библиографическом указателе И. Федорова, открывающемся эпиграфом Д. Н. Овсянко-Куликовского: «Белинский не умер, Белинский все еще жив или, лучше сказать, воскресает для новой жизни и исполнившаяся столетняя годовщина его рождения знаменует собою наступление новой эпохи для литературного наследия этого великого человека, когда его будут не только опять *перечитывать*, но, главным образом, *изучать* – как изучают гениев и великих друзей человека»⁷. В других указателях и исследованиях нет даже упоминания о труде Глинского⁸. Не ссылаются на него в своих публикациях и современники литератора,⁹ журнальный очерк был выпущен и отдельным изданием.¹⁰

Б. Б. Глинский же отсылает читателей к трудам, которые послужили основой его исследования: «Тех – кто интересуется предметом более обстоятельно и подробно, отсылаю к известному труду А. Н. Пыпина “Белинский, его жизнь и переписка” и “Очеркам гоголевского периода” Чернышевского, а также к новейшим работам, посвященным нашему критику: С. А. Венгерова

“Великое сердце” (“Русское богатство” 1898 г.), книге Е. Соловьева “В. Г. Белинский в его письмах и сочинениях” и “Публичным лекциям” В. Острогорского “В. Г. Белинский, как критик и педагог”».¹¹

В биографической части очерка Б. Б. Глинский остается верен и привычному для себя пафосному стилю при характеристике выдающегося литературного деятеля: «Белинский, один из самых видных и блестящих борцов за просвещение и свободу русского народа, был физически раздавлен непосильным бременем жизни. Процесс его житейской гибели трагичен, полон ужаса и мрака; но то, во имя чего он нес свой земной крест, ради чего он боролся, что непрестанно провозглашал устно, в письмах, на страницах журналов, что составляло его истинную жизнь, чем он дышал и в чем находил настоящую радость и счастье, о! это все, в противность житейскому фону серых дней, в противность повседневному невзрачным кулисам жизни, все это отличается удивительно светлым колоритом, отражено тем сиянием, что свидетельствует и твердит нам о праведности, о чистейшей красоте, с чем соединены главнейшие стимулы нашей жизни – вера, надежда, любовь. Вера – в правоту своего дела и его святость, надежда – на победу этого дела над неправдой жизни и окружающим злом, любовь – к человеку, ради которого подъята борьба и принесено в жертву свое земное житейское я»¹².

Составленное Глинским жизнеописание богато фактическими данными, почти безупречно выстроено, хотя в нем обращено внимание на то, что «биография Белинского чрезвычайно бедна внешними фактами, скудна сменой обстоятельств жизни. Вся эта недолгая жизнь протекла в литературе и ради литературы, почему и интерес жизнеописания таких людей, как Белинский, главным образом заключается в том, что их литературная деятельность отразилась на складе их собственной жизни, а еще более на жизни общественной, с одной стороны, и с другой – какие общественные мотивы вносила эта жизнь (жизнь индивидуальная и жизнь современного им общества) в их литературную деятельность, в работу их ума и сердца. Но как бы там ни было, без фактов не бывает жизни, а потому и обратимся к ним прежде всего»¹³.

Автора в большей степени интересует реакция современников на определенные события, нежели обычная констатация фактов жизни героя: «Я полагаю, что из всех приведенных описаний того, как русское общество отнеслось к памяти своего выдающегося вождя и учителя, можно смело заключить, что это общество сумело в пределах современной возможности обратить день 26-го мая в настоящий праздник мысли, который, несомненно, благодарным потомством будет занесен на скрижали истории наравне со страницей известных поминок Пушкина в Москве. Торжественные поминки этих

двух писателей, из коих один явился в нашей истории основателем новой русской литературы, а другой – ее блестящим истолкователем и пророком ее грядущих судеб на долгие времена, служат лучшими указателями, что русское общество достойно своих великих учителей, и что работа их не осталась бесплодной. Они расширили и укрепили наше самосознание, нашу гражданственность и права на свободу, в благодарность за каковые великие услуги потомство и увенчало их изваяния лаврами и создало их именам памятники, громко свидетельствующие, что торжество солнца и просвещение вечно, и что правда жизни рано или поздно, но всегда должна восторжествовать»¹⁴.

В биографии Глинского интересует многогранность личности В. Г. Белинского, а потому он показывает его с разных позиций: сын, муж, отец, общественный деятель. Факты, приводимые автором, сегодня хорошо известны, но стоит напомнить, что в момент появления в печати это был один из первых систематизирующих накопленные материалы биографических очерков, имевших тогда существенное значение. Так, например, здесь восстанавливаются детские страницы жизни критика задолго до В. Е. Рудакова.

Жанр своего очерка сам автор определяет как «хронику общественной жизни»: «Посмотрим же, как отметило общество пятидесятую годовщину смерти лучшего представителя и чем помянуло оно день его кончины. Эта маленькая хроника нашей общественной жизни и составляет главную тему моего текущего очерка, но составить эту хронику и ничего не сказать о жизни, деятельности того, кому посвящается эта хроника, я не считаю удобным, почему и обращаюсь прежде всего к биографии и характеристике Белинского...»¹⁵

Очерк был опубликован в июньском и в июльском номерах «Исторического вестника» за 1898 г. Условно его содержание можно разделить на две части: первая – биография, вторая – обзор состоявшихся литературных вечеров, выступлений, публикаций с подробным комментарием автора и наиболее существенными цитатами, которые призваны были продемонстрировать основные моменты, связанные с восприятием личности и творчества В. Г. Белинского. Обзор публикаций по праву можно назвать основательным библиографическим сводом. Здесь обращает на себя внимание характеристика только что вышедших первых собраний сочинений: «Из числа собраний нашего критика вышло лишь два – в издании О. Н. Поповой и С. Мошкина. Г-жа Попова выпустила в свет лишь «Избранные сочинения» Белинского, имея в виду важнейшие из них, сохраняющие свое историко-литературное значение поныне. К числу таких отнесены: во-первых, статьи, в которых наиболее ясно и полно отразилось последовательное развитие взглядов Белинского на самые существенные вопросы жизни и духа, и, во-вторых,

критические разборы, посвященные Белинским самым выдающимся произведениям русской словесности. Статьи, вошедшие в настоящее издание, перепечатаны из издания 1858–1862 г. Солдатенкова и Н. Щепкина, причем некоторые из них приведены не полностью, а лишь в извлечениях под особым заглавием, но с указанием, откуда эти извлечения заимствованы. Издание это, конечно, представляет некоторые достоинства, к числу каковых, главнейших, относится его дешевизна (1 р. 20к. за том в 800 с лишком страниц двойного столбца) и малое количество опечаток, которыми так обильно известно издание Павленкова, но рядом с этим оно имеет и немало неудобств и несовершенств...»¹⁶

Б. Б. Глинский старается оставаться беспристрастным, руководствуясь в своих оценках только весомыми аргументами. «Печально кончили многострадальные дни великого русского критика, печальная участь постигла на первых порах его семейство, обреченное на жестокую борьбу за право существования, – отмечает в очерке. – Мало того, самое имя критика сделалось символом чего-то опасного, подозрительного, о чем можно было говорить с большою осторожностью лишь в тесном кругу. О величии его заслуг перед русской литературой и русской жизнью не могло быть и речи, благодаря чему Чернышевский в своих критических “очерках” вынужден даже окрестить их произвольным именем “Тоголевские”, дабы только не группировать их вокруг имени Белинского, который на самом деле является, однако, центральной фигурой этих “очерков”. Но время сделало свое дело; понемногу и постепенно Россия освободилась от разных ложных страхов и опасностей; выяснилось с полною очевидностью значение ее наиболее просвещенных и деятельных работников <...> Русское общество, в пределах своей свободы и своих средств, дружно создало необходимость достойным образом почтить великую память своего павшего в жизненной борьбе героя-праведника, и то, что обществом было сделано с этой целью, вполне наглядно показывает его умственную зрелость, рост его национального (в лучшем смысле слова) самосознания. Посмотрим же теперь, как отмечено было значение пятидесятой годовщины кончины нашего критика и какие именно его заслуги перед родною землею выступили с особенною рельефностью в знаменитые дни литературных торжеств, посвященных имени Белинского и кратковременной его литературной деятельности»¹⁷.

Среди тех, кто принял участие в чествованиях критика, было немало знаменитых в литературном мире фигур. Так, А. Н. Веселовский посвятил специальную работу особенностям душевного склада Белинского. Сообщение Г. А. Джаншиева «Белинский и эпоха реформ» «устанавливало связь реформ 60-х гг. с публицистическою деятельностью В. Г.»¹⁸. П. А. Ефремов и В. Е. Якушкин отредактировали книгу «Семь статей

В. Г. Белинского». В Москве В. П. Острогорский выступил с двумя публичными лекциями на тему «В. Г. Белинский как критик и педагог». Приуроченной к этой дате оказалась и фундаментальная работа И. И. Иванова по истории русской критики. Практически все материалы были опубликованы на страницах периодики или же вышли отдельными изданиями. География «торжеств» была весьма обширна и включала, по сути, территорию всей России. Глинский также рассказывает о сохранившихся портретах Белинского, о художественных и мемориальных выставках, посвященных выдающемуся деятелю.

«Это событие, само по себе не представляющее ничего особенно радостного, веселого и утешительного, вызвало, однако, в столичных и некоторых провинциальных городах нашего отечества ряд торжеств, приравненных общественным мнением к разряду самых светлых праздников русского слова, русской мысли, — отмечает публицист. — И действительно, что, казалось бы, может быть утешительного и отрадного в том, что полвека тому назад преждевременно скончался, сломленный жизнью и невзгодами, непосильными трудами и борьбою за народное и общественное благо, писатель, которого при жизни даже друзья и близкие люди мало понимали, которого враги травили, преследовали, и который всю жизнь был обречен на жестокую борьбу за существование? Казалось бы, тут нечему радоваться, нечему рукоплескать и, однако, что же мы видим? ряд торжеств сменяется одно другим, и сословие писателей, призывая на эти торжества русский народ в лице разнообразных его представителей, с гордостью восклицали: “на нашей улице праздник!”; праздник того великого солнца, которое властно и беспощадно гонит духовную тьму человечества и обдаёт его жизнь мощными лучами свободы, братства и любви»¹⁹.

Личности и творчеству В. Г. Белинского посвящено множество разнообразных исследований, составлявших целое направление в отечественной историко-литературной науке. Забытая на долгие десятилетия «хроника» Б. Б. Глинского, со всей очевидностью, должна занять среди этих работ надлежащее место в качестве важного печатного источника, связанного с изучением восприятия классического литературного наследия и литературной личности в движении исторических эпох.

Примечания

- 1 См.: *Глинский Б. Б.* Среди литераторов и ученых : биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. С 31 портретом. СПб., 1914.
- 2 Б. п. <А. Б. Дерман> (Рецензия) // Русское богатство. 1914. № 1. С. 404–405 (Рец. на кн. : Глинский Б. Среди литераторов и ученых. СПб., 1914).
- 3 *Александровский Г. В.* Памяти великого русского критика В. Г. Белинского с портретом В. Г. Белинского. Для учащихся и самообразования. Киев : Гонг, 1910. С. 5–6.
- 4 См.: *Летопись жизни Белинского* / сост. Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман, Н. К. Пиксанов. М. : Искра революции, 1924. С. VIII.
- 5 Там же.
- 6 Г. <Б. Б. Глинский>. Великий русский критик В. Г. Белинский. Научно-популярный биографический очерк. Составил В. Е. Рудаков. Издание А. С. Суворина. (Дешевая библиотека). С портретом В. Г. Белинского. СПб., 1910. Стр. 104. Цена 35 к. в переплете / Г. // Исторический вестник. 1911. № 2. С. 740.
- 7 *Федоров И.* Опыт хронологической канвы к биографии В. Белинского с приложением библиографического указателя 1811–1911. Смоленск : Электро-типо-литография Я. Н. Подземского, 1911. Титульный лист.
- 8 См.: *Белинский Виссарион Григорьевич* // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. СПб. : Просвещение, 1902. Т. 4. С. 201–204 ; *Белинский Виссарион Григорьевич* // *Русская литературная энциклопедия*. М. : Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. С. 503–510 ; *Белинский (Виссарион Григорьевич)* // *Энциклопедический словарь*. СПб. : Типо-Литография (И. А. Ефона), 1891. Т. 5. Буны-Вальтер. С. 191–194 ; *Виссарион Григорьевич Белинский* // *Новый энциклопедический словарь. Белоруссы (писалось с ять – М. С.)* / под общ. ред. К. К. Арсеньева. СПб. : Типография «Брокгауз-Ефрон», 1890–1907. Т. 8. Брачный наряд. С. 871–894 ; *Виссарион Григорьевич Белинский (1848–1948)* : указатель литературы / сост. Э. Субботина ; под общ. ред. В. И. Борщукова. М. : Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1948 ; *Залеская Л. И., Крендель Р. Н.* В. Г. Белинский : рекомендательный указатель литературы к 100-летию со дня смерти / под ред. Н. Л. Бродского. М. : Тип. Б-ки им. Ленина, 1948 ; *История русской литературы XIX в.* : библиографический указатель / под ред. К. Д. Муратовой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962 ; *Летопись жизни Белинского* / сост. Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков, Ю. Г. Оксман, Н. К. Пиксанов. М. : Искра революции, 1924 ; *Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М. : ГИХЛ, 1958.
- 9 См.: *Абрамов Я. В. I.* Памяти Белинского. II. Роман Белинского. СПб. : Изд. Н. Гаврилова и М. Городецко-го, 1898 ; *Александровский Г.* Памяти В. Г. Белинского : историко-литературный очерк. Киев: Типография К. Н. Милевского, 1899 ; *Жданов И.* Памяти В. Г. Белинского : реферат, читанный в Неофилологическом обществе пр. СПб. Университете 18 декабря 1898 г. СПб. : Типография СПб. акц. общ. печ. дела Е. Евдокимова, 1899 ; *Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов с 3 фотографиями.* Издание Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова. М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1899 ; *Александровский Г. В.* Памяти великого русского критика В. Г. Белинского с портретом В. Г. Белинского.
- 10 *Глинский Б.* Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти (с пятью иллюстрациями и при-

ложением его юношеского журнала поездки в Москву и пребывания в оной). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1898.

¹¹ Глинский Б. Виссарион Григорьевич Белинский и чествование его памяти // Исторический вестник. 1898. № 6. С. 939–940.

¹² Там же. № 6. С. 937.

¹³ Там же. С. 940.

¹⁴ Там же. № 7. С. 270.

¹⁵ Там же. № 6. С. 939.

¹⁶ Там же. № 7. С. 242–243.

¹⁷ Там же. С. 224–225.

¹⁸ Там же. С. 228.

¹⁹ Там же. № 6. С. 936.

УДК 821.161.1.09+78.071.1(470)+929[Чехов+Рахманинов]

А. П. ЧЕХОВ И С. В. РАХМАНИНОВ: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Л. А. Скафтымова

Санкт-Петербургская государственная консерватория
им. Н. А. Римского-Корсакова
E-mail: lskaft@mail.ru

В статье рассматриваются образно-смысловые параллели в произведениях А. П. Чехова и С. В. Рахманинова, выявляющие родственные черты художественного мирозерцания и поэтики писателя и композитора как выразителей национальной самобытности отечественного искусства.

Ключевые слова: Чехов, Рахманинов, романс, лиризм, психологический подтекст.

A. P. Chekhov and S. V. Rakhmaninov: Some Parallels

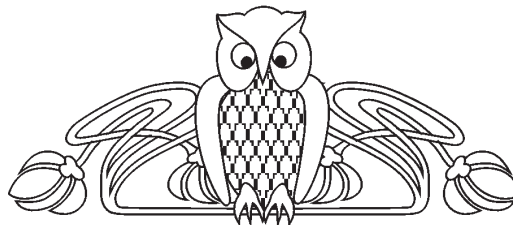
L. A. Skaftymova

The article regards image and notional parallels in the works by A. P. Chekhov and S. V. Rakhmaninov revealing similar features of the writer's and composer's artistic outlook as of those who reveal national identity of the Russian art.

Key words: Chekhov, Rakhmaninov, romance, lyricism, psychological implication.

В отечественном музыкознании в семидесятые годы прошлого века стала складываться параллель между творчеством двух крупнейших представителей русской культуры – Рахманинова и Чехова¹. Прежде всего, она связывалась с написанием ранней фантазии композитора «Утес» (1893) и романса на слова Чехова «Мы отдохнем». Но это как бы лежит на поверхности. Связь же видится нам более глубокой, многообразной и тонкой. Это, прежде всего, любовь к России, тот «русский дух», который пропитывает все их творчество, любовь негромкая, без фанфар, без деклараций («Славься, славься ты, Русь моя!»), без громких слов. В их произведениях живет русская душа, непостижимая и загадочная, русская природа, не роскошная, с морем и солнцем, а средней полосы – скромная, немного печальная, как пейзажи И. Левитана, но всегда прекрасная. Роднит композитора и писателя и пристальное внимание к душе человека, его чувствам, глубокий психологизм.

Большинство самых разных романсов Рахманинова роднит то, что в них раскрывается

психологическое состояние человека как глубоко лирический процесс. Чувства и мысли лирического героя преломляются как нечто сокровенно индивидуальное, ведется ли речь о нем самом («Отрывок из Мюссе», «Сон») или о близком существе («Вчера мы встретились»), об окружающей действительности («Пора!», «Христос воскрес») или о природе, которая находит отклик в душе человека («Ночь печальна», «Сирень», «Островок»). Поэтому порой бывает трудно провести грань между лирическими и драматическими произведениями этого жанра.

Лирика пропитывает практически все романсы композитора, по сути, они все лиричны – хотя принято их делить на лирические, лирико-драматические и драматические. Она характерна не только для ранних драматических вокальных произведений, имеющих так много общего с лирико-драматическими. Теплога и непосредственность эмоциональных высказываний Рахманинова в его зрелых драматических романсах в большой степени связана с их внутренней лиричностью. Так, например, огромно смысловое и драматургическое значение лирического эпизода в балладе «Судьба» («Но есть же счастье на земле!»).

Этот эпизод имеет много общего с лирическими любовными романсами и романсами-пейзажами Рахманинова. Длительное и томительное ожидание здесь выражено во многом подобно тому, как и в одном из лирических романсов – «Я жду тебя». Во второй части лирического эпизода «Судьбы», где раскрывается картина безмятежной и прекрасной ночной тишины, невольно вспоминается «Островок», где «еле дышит ветерок», куда «гроза не долетает». Подобные эпизоды встречаются во многих лирических романсах композитора (например, «Утро», «Здесь хорошо»).

Скорбные лирические романсы – «Тебя так любят все», «На смерть чижика», «Перед иконой», «К детям», «Ночь печальна», «Вокализ», «Вчера мы встретились» и другие уже – в большинстве